

Сети одна за другой раскрывались над водой, всплески уходили в темноту, а ряды факелов, горящих на лодках, отражались в чёрно-синей глади моря. В воздухе стояло возбуждённое ожидание, всем не терпелось увидеть улов.

Жена Чжун Шоуцая, Бай Янь, стояла рядом с Су И. Лодка её мужа ушла к другой стороне вытягивать сеть, а она сама перебралась на лодку Чжун Мина, чтобы поболтать и не скучать. Чжун Ханя с ними не было, они побоялись брать ребёнка на ночную ловлю, когда кругом столько людей и суеты.

Бай Янь впервые ступила на их лодку, с любопытством осмотрелась и, заметив подвешенный под потолком костяной колокольчик, восхищённо сказала:

— Какая красивая подвеска! Вы сами её сделали?

Су И хотел было пригласить её присесть в каюту, но та только отмахнулась:

— Что ты, я ведь пришла смотреть на ловлю, а не гостя изображать. Если зайду, ты сразу за стол да за чай возьмёшься. К чему эти хлопоты, мне и тут хорошо.

Улыбнувшись, Су И ответил:

— Раньше как-то поймали несколько селедок, кости оставили. Потом, в свободный день от нечего делать собрали из них такую игрушку.

Бай Янь пригладила выбившуюся на ветер прядь и с улыбкой сказала:

— В детстве я тоже делала такие штуки. Потом повзрослела и некогда стало, да и желания не было. А теперь гляжу и опять захотелось. Вернусь домой, попробую сделать себе такую же.

Она посмотрела на сидевшего перед ней супруга деверя. Раньше, живя в одном посёлке у залива, с Су И она почти не общалась, только слышала о нём кое-какие пересуды. Будучи сама сиротой без отца, Бай Янь не могла относиться к нему с предвзятостью, а теперь, став роднёй, почувствовала к нему ещё большее расположение.

Су И оказался молчаливее и застенчивее, чем она ожидала, но Бай Янь была женщина открытая и разговорчивая, быстро сумела разговорить его, и вскоре между ними установилось лёгкое, почти дружеское общение.

— Вот уж несколько дней, — призналась она, смеясь, — не знаю, что со мной, так тянет поесть икру и внутренности каракатицы! Думаю о ней и заснуть не могу. Раньше у нас была целая бочка, да я всё сама и съела. Вот теперь надеюсь сегодня наловить побольше - засолю ещё.

Внутренности каракатицы - икру, печень и белую мякоть - обычно вычищали, густо пересыпали солью, а потом перед подачей слегка пропаривали. Получалась яркая, красно-белая закуска, сытная, вкусная, идеально шла с рисом. Такая еда, похожая по виду на мозги медузы, была редкостью. Если не жил среди рыбаков, попробовать её почти не представлялось возможным.

— У нас такого, пожалуй, нет, — тихо ответил Су И, улыбнувшись. — После твоих слов надо будет и себе заготовить немного.

Бай Янь кивнула:

— Да, кроме потрохов, сделай ещё сушёную рыбу, особенно каракатицу в закваске из рисового вина. Мой Шоуцай такую попробует и потом уже не оторвёшь. Твой Чжун Мин, держу пари, тоже оценит.

Слова «твой Чжун Мин» прозвучали для Су И особенно приятно. Он вдруг осознал, что стал по-настоящему частью семьи Чжун не только для мужа и младших, но и для остальных родственников, вроде жизнерадостной Бай Янь. Теперь, кроме мужа и ребёнка, у него появилось много людей, с кем можно поговорить, посоветоваться, просто разделить день.

Заразившись добродушием Бай Янь, Су И заинтересовался рецептом и попросил рассказать, как готовят каракатицу в винной закваске. Та без тени стеснения объяснила всё подробно, шаг за шагом.

Тем временем Чжун Мин стоял на лодке Чжун Шоуцай, держа факел. Лодка отошла чуть дальше от берега, чтобы светом приманить каракатиц ближе к сетям.

— Помню, — громко сказал он в сторону брата, — как-то ночью при ловле каракатиц на огонь приплыл дельфин. Мы тогда в суматохе ухитрились его потрогать - скользкий был, как мыло!

Рыбий бобер, или дельфин (по-местному его ещё зовут морской поросёнок), — большое морское животное. Старики называли их именно так, ласково, будто домашних зверушек, ведь среди рыбаков ходили истории о людях, которых эти существа спасали из воды. Никто и не сомневался, что это правда.

Эти дельфины охотно охотятся на каракатиц и славятся своим умом. Где появляются каракатицы, там, можно не сомневаться, вскоре покажутся и они.

Чжун Мин наклонился над бортом, всматриваясь в темнеющую толщу воды.

— Интересно, — сказал он, — повезёт ли сегодня встретить одного? Было бы здорово показать А-И, пусть посмотрит своими глазами.

Чжун Шоуцай фыркнул, покачав головой:

— Раньше-то ты надо мной смеялся, что я с женой и на час не расстанусь. А теперь сам такой же, и шагу без своего супруга ступить не можешь!

Он шутливо толкнул брата локтем и, прищурившись, добавил с улыбкой:

— Ну что, теперь понял, каково это - быть женатым?

Чжун Мин тоже усмехнулся. В глубине души он думал иначе: не всякая свадьба делает человека счастливым. Взять хотя бы его четвёртого дядю - дети выросли, а в доме по-прежнему ссоры через день, сплошная суматоха. Преимущество есть только у тех, кто женился на правильном человеке, — подумал он.

Думая о своём супруге, Чжун Мин машинально устремил взгляд вдаль. Лодка медленно приближалась, и в отблеске факелов на волнах уже можно было различить знакомую фигуру.

На носу другой лодки Бай Янь первой заметила мужа и радостно замахала рукой. Су И тоже поднял руку вслед за ней. Их взгляды встретились, и оба улыбнулись так, что глаза заискрились.

Бай Янь, заметив это, не удержалась от шутки:

— Вот уж говорят, молодожёны сладки, как мёд. Глянь на вас! Стоило разлучиться на миг и снова будто тянет друг к другу, словно магнитом. Мы с Шоуцаем уже старая супружеская пара, нам до вас далеко.

Су И смутился, отвёл взгляд и тихо ответил:

— Сестра шутит. А ведь брат Шоуцай тоже часто про тебя говорит.

Он и впрямь немного завидовал мягкой, открытой натуре Бай Янь, у себя такого лёгкого характера он вообразить не мог. Да и спустя столько лет изменить себя уже трудно. К счастью, Чжун Мин никогда не упрекал его за сдержанность, наоборот, будто именно это в нём и любил.

В этот момент со стороны моря раздался крик:

— Раз! Три! Три! Поднимайте сеть!

Пока они разговаривали, первая сеть этой ночи уже пошла наверх под ровные крики гребцов и натужный скрип блоков. Несколько мужчин тянули вместе, и, когда сеть наконец показалась из воды, в ней плескались десятки тяжёлых, блестящих каракатиц.

Чжун Мин, помогая брату Шоуцаю, вытянул сеть до конца, после чего перепрыгнул обратно на свою лодку, чтобы поднять следующую.

На носу откинули настил, открыв люк с отделением, куда заранее налили морской воды. Всю добычу высыпали туда. Каракатицы, шевеля головами, разом выпустили густую чёрную струю, за минуту прозрачная вода в отсеке стала тёмной и мутной.

— Сколько всего сетей вы сегодня закинете? — спросил Су И, глядя на шевелящуюся массу.

— Четыре, может, пять, — ответил Чжун Мин. — Больше не стоит, ночь длинная, а возни потом много.

Су И согласно кивнул. Действительно, разделать такую прорву каракатиц дело не быстрое: внутренности надо вынуть сразу, пока свежие, часть замариновать, часть развесить сушиться. Если оставить до утра, мясо уже не то: запах сильнее, вкус хуже. У людей воды нюх и вкус острые - хоть немного несвежего, и никто не станет к этому прикасаться.

Пока в нескольких шагах от них Чжун Шоуцай с Бай Янь о чём-то переговаривались и не смотрели в их сторону, Чжун Мин тихо наклонился к своему супругу:

— Ну как, ладите с невесткой?

Он знал, что хоть Су И и не казался застенчивым во время торговли, но по натуре был человеком тихим, нелюдимым. Даже дома редко сам заходил к тётке или к сестре, предпочитал спокойно возиться по хозяйству на своей лодке.

А Бай Янь, наоборот, была прямая, весёлая, язык у неё не отдыхал ни минуты. Так что, скорее всего, разговор весь вечер вела именно она.

Су И чуть улыбнулся:

— Ладим. Сестра хорошая, сама тянула меня разговаривать, ещё научила, как солить внутренности каракатицы.

Он помолчал и добавил:

— Хотел пригласить её посидеть в каюте, но она не захотела утруждать меня. Мы остались на носу, смотрели, как вы сети тянете. А ещё она сказала, что подвеска из рыбьих костей у нас очень красивая.

Услышав это, Чжун Мин довольно кивнул, в груди стало тепло. Он не удержался, потянулся и легко коснулся ладони супруга. Только забыл, что руки-то все в морской воде, и мгновенно

намочил тонкие пальцы Су И.

Тут из-за его плеча донёлся громкий, нарочитый кашель:

— Кхм!

Чжун Шоуцай, обернувшись, как раз увидел, как младший брат держит за руку своего супруга, и нарочно громко кашлянул. Су И вздрогнул и почти выдернул ладонь, но Чжун Мин лишь крепче сжал её, с самым невинным видом спросив:

— Брат Шоуцай, не простудился ли ты? У меня на лодке есть листья мышиного колючника, хочешь заварим, попьёшь для горла?

Чжун Шоуцай рассмеялся, махнул рукой и пригрозил пальцем:

— Ах ты, шельмец! Ну, я это запомню!

Все трое дружно засмеялись, и вскоре раздался окрик с соседней лодки - пора было тянуть вторую сеть. Они быстро перебрались к остальным.

После четвёртой сети часы уже перевалили за час Хэй (около одиннадцати ночи). Лодки, гружённые десятками катти каракатиц, медленно потянулись обратно, скользя по серебристой дорожке лунного света.

На их лодке стояла редкая тишина, только плеск воды да лёгкий посвист ветра. Су И, присев на носу, помогал Чжун Мину пересчитывать улов, когда вдруг насторожился.

— Послушай... — он поднял голову. — Слышишь? Как будто кто-то пищит.

Звук и правда был тонкий, прерывистый, похож на птичий, только исходил не сверху, а снизу, из самой воды.

— Похоже, я это уже слышал, — тихо сказал Чжун Мин, — только не сразу вспомнил...

Он наклонил голову, прислушиваясь. И вдруг из воды перед лодкой взметнулся серебристо-серый силуэт, нарисовав в воздухе изящную дугу. За первым последовал второй, третий... Лунный свет заливал море, серебро отражалось на волнах, всё выглядело как сон.

И тогда Чжун Мин понял, чей это был голос.

— Дельфины, — выдохнул он.

С десятков крупных существ выныривали и били по воде хвостами; волны брызгами осыпали борта лодок. Остальные рыбаки тоже заметили чудо: засвистели, закричали от восторга, кто-то даже зааплодировал. Стая дельфинов, сытая после охоты на каракатиц, будто бы веселилась - прыгала, перекликалась. Их пронзительные крики сплетались в причудливую мелодию, где можно было различить разные тона, словно кто-то пел.

— Не пойму, — прошептал Су И, стоя рядом и глядя на блестящие тела, — они разговаривают... или поют?

Чжун Мин обнял его за плечи, оберегая от брызг. Дельфины всплывали совсем рядом, ещё немного, и можно было бы дотянуться рукой до их гладких, скользких спин.

Су И невольно потянул Чжун Мина за рукав:

— Пойдём скорее домой, позовём Чжун Ханя и вторую тётушку, пусть тоже посмотрят!

В ту ночь почти все жители Байшуйау вышли на лодках в море. Сотни факелов качались на волнах, отражаясь в тёмной воде, люди жадно глазели на то, как дельфины бьют по воде хвостами и кувыркаются в свете луны. Даже несколько дней спустя в каждом разговоре снова и снова вспоминали то зрелище, не уставая восхищаться.

Осенью и зимой дни стали короче, солнце уже не пекло так, как летом. Теперь сушили улов не столько на прямом солнце, сколько на ветру. Выпотрошенных каракатиц укладывали слоями в большие бамбуковые корзины, пересыпая крупной морской солью. Днём корзины стояли в продуваемом месте, а ночью их заносили под навес и придавливали тяжёлыми камнями, чтобы вытек рассол, он медленно стекал сквозь щели бамбука. Даже если шёл дождь, достаточно было быстро перенести корзины под крышу, и труд не пропадал.

Внутренности каракатиц Су И, по совету Бай Янь, солил отдельно в керамических горшках, ставя их рядом с бочонками квашеных овощей. К слову о соленьях: маринованные водяной сельдерей и ломтики лотосового корня, приготовленные раньше, как раз дошли. Последние дни в доме на столе и утром, и вечером непременно стояла тарелка этих кисленьких, освежающих закусок.

Чжун Мин до дна осушил чашку рисовой каши, положил палочки и сказал:

— Сегодня схожу в уезд и куплю железный котёл. Каменная печь уже просохла, поставим котёл, и можно будет готовить.

В деревенских лавках такие большие котлы продавались готовыми, не нужно было заранее заказывать кузнецу. Выбирай по размеру и неси домой.

Су И, услышав это, тоже поспешил доесть кашу, потом убрал посуду и пошёл в комнату за шкатулкой с деньгами.

— Возьми тридцать лян, — сказал он, аккуратно пересчитывая серебро. — Должно хватить с запасом.

В последнее время денег утекло немало: каменный дом, жернова, задаток за строительство дома, теперь ещё и котёл. Но, к счастью, прибыль тоже шла, выходило, что остаётся чуть больше тридцати лян. Су И отмерил нужную сумму и завернул её в ткань.

Хороший котёл, говорили, служит не одному поколению. Даже если потрескается, его не выбрасывают, просто латают, и снова как новый. Не зря такая покупка стоит дорого.

— Лучше купить поскорее, спокойнее будет, — добавил Чжун Мин, глядя на хмурое небо. — Погода что-то портится, может, опять поднимется ветер.

Раньше, услышав, что идёт «дыхание дракона», так на побережье называли штормовой сезон, Су И невольно начинал тревожиться. А теперь думал иначе: пусть даже разгуляется буря, зато в каменном доме они будут в безопасности, вдвоём смогут молоть на жерновах креветочную пасту и день пройдёт с пользой. Каменный дом стоял прочно, крыша недавно подлатана, можно не сомневаться, выдержит любую непогоду.

После завтрака убрали посуду, сложили низкий стол. Чжун Хань, похлопав себя по сытым бокам, схватил своё ведёрко и побежал звать Цюэ-гера. Вдвоём они отправились к третьему дяде, тот собирал Чжун Бао и Чжун Мяо идти на берег копать моллюсков и ловить песчаных крабов. Потом дети собирались продать добычу старшему брату и невестке, а на вырученные медяки купить в уезде сладкие леденцы.

Утро выдалось ясным и оживлённым: в семье, как малые, так и взрослые, каждый был занят своим делом, ни одной праздной души.

Когда Чжун Мин и Су И добрались до Южной улицы, их ждал новый день и новая работа.